

Мельникова Светлана Андреевна

МОТИВАЦИОННАЯ И ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

«СИЛА, ЗДОРОВЬЕ / СЛАБОСТЬ, БОЛЕЗНЬ»

В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2012

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель

доктор филологических наук
профессор
Варбот Жанна Жановна

Официальные оппоненты

доктор филологических наук,
профессор кафедры славянской филологии
Московского государственного областного
университета
Шаталова Ольга Викторовна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры русского языка для иностранных
учащихся естественных факультетов Московского
государственного университета имени
М.В. Ломоносова
Хелемендик Анна Валерьевна

Ведущая организация

Московский педагогический государственный
университет

Защита диссертации состоится «___» _____ года в _____
на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 в Московском государственном
университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ленинские горы,
МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го учебного корпуса
гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «___» _____ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Е.В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена исследованию лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь» в русском языке в мотивационном и генетическом аспектах.

Тема диссертации предполагает обращение к проблематике двух направлений лингвистического анализа: проблематике лексико-семантического поля и проблематике словообразовательно-этимологического анализа. Исследования крупных специалистов в этих двух областях убеждают, однако, в их тесной связи. Лексико-семантическое поле может рассматриваться как в плане синхронии (что означает анализ собственно структуры поля), так и в мотивационном плане. Последний аспект предполагает определение характеристик поля с точки зрения представленных в нём мотивационных моделей. Мотивационные модели выделяются на основе последнего для анализируемого слова словообразовательного акта (включая семантический переход). Тем самым мотивационный анализ поля оказывается неразрывно связанным со словообразовательным анализом (блестящий анализ этой проблемы изложен в работе С.М. Толстой)¹.

Словообразовательный же анализ подводит к включению соответствующей лексики в определенные этимологические гнезда. При том, что для характеристики лексико-семантических полей наибольшее значение имеют именно мотивационные модели, выделенные по последнему словообразовательному акту, весьма существенным для представления о семантико-словообразовательных возможностях языка является определение круга этимологических гнезд, которые потенциально, на различных хронологических уровнях, питают то или иное поле (см. об этом доклад Ж.Ж. Варбот «Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии»²).

Значение исследования мотивационных характеристик лексико-семантических полей определяется тем, что именно эти характеристики, отмечая существенные для этноса признаки обозначаемых предметов, отражают тем самым определенный фрагмент картины мира этноса. Об этом убедительно пишет Ж.Ж. Варбот в статье «Диахронический аспект проблемы языковой картины мира»³ и упоминавшемся выше докладе «Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии».

Следует отметить особый аспект мотивационного анализа – возможность градации в оценке мотивационных моделей, а именно бóльшую или меньшую степень обобщения (см. выше статью С.М. Толстой).

Исследование лексико-семантических полей с позиций мотивационных характеристик стало особенно актуальным в последние тридцать лет в связи с проблемой отражения в этих полях (и в целом в лексике) языковой картины мира, что выразилось в углублении исследований по теории лексико-семантического поля в связи с языковой картиной мира и появлении исследований отдельных полей в этом

¹ Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении, №1 (3), М., 2002. С. 112–127.

² Варбот Ж.Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 2008. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 84–95.

³ Варбот Ж.Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции. (Москва, 8-10 июня 2002). М., 2003. С. 343–346.

аспекте (работы О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, А. Вежбицкой, В.Г. Гака, Ю.Д. Апресяна, В.А. Меркуловой, Л.В. Куркиной, И.П. Петлёвой, М. Якубович, Е.Л. Березович, Т.В. Леонтьевой, Л.П. Дроновой, Ж.Ж. Варбот, С.М. Толстой и др.). При этом в современном языкознании ведутся серьезные дебаты по поводу сущности понятия «языковая картина мира», возможности трактовки ее как единого целого для определенного этноса и способов лингвистического исследования: с полемическими замечаниями выступают А.Я. Шайкевич («Русская языковая картина мира в ряду других картинок»⁴), А.Т. Кривоносов («Мышление, язык и крушение мифов о "лингвистической относительности", "языковой картине мира" и "марксистко-ленинском языкознании"»), В.Ф. Васильева («"Языковая картина мира": миф или реальность»⁵). Для автора представляется бесспорным существование языковой картины мира как объективной реальности, отражающей представления этноса о различных предметах, явлениях, отношениях в природе и в обществе и обеспечивающей возможности осуществления основной функции языка – функции общения этноса.

Исследование картины мира может осуществляться различными методами: методом синхронного анализа лексико-семантических полей, методом кластерного анализа, сопоставительный методом, методом изучения мотивационных моделей. Возможны, очевидно, и другие подходы. В диссертационном исследовании использован метод изучения фрагмента языковой картины мира (лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь») на основе анализа мотивационных моделей.

АКТУАЛЬНОСТЬ настоящей диссертационной работы заключается в исследовании языковых единиц, составляющих лексико-семантическое поле «Сила, здоровье / слабость, болезнь», в мотивационном и генетическом аспектах, что соответствует современной тенденции в отечественной лингвистике, стремящейся рассматривать объект в динамике, во всех его измерениях. Для лексико-семантических полей как лексических систем это особенно актуально. Анализ принципов номинации лексики со значениями ‘силы, здоровья’ и ‘слабости, болезни’ позволяет выявить представления этноса об этой важнейшей характеристике человека, то есть реконструировать существенный фрагмент языковой картины мира. Актуальность избранной темы также обусловлена обилием материала для исследований в данной области, поскольку лексико-семантическое поле «Сила, здоровье / слабость, болезнь» выделяется своей обширностью среди других полей, что свидетельствует о существенности данной семантической сферы для носителей языка.

Ввиду своей актуальности тема здоровья и болезни неоднократно привлекала внимание исследователей. В первую очередь необходимо упомянуть вышедшую в 2009 г. в Киеве коллективную монографию «Концепт *боль* в типологическом освещении»⁶, авторы которой показали способы обозначения боли в разных языках.

⁴ Шайкевич А.Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // Московский лингвистический журнал, том 8, №2. М., 2005. С. 5–21.

⁵ Васильева В.Ф. «"Языковая картина мира": миф или реальность (полемические заметки) // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 2009. № 3. С. 22–31.

⁶ Концепт *боль* в типологическом освещении (коллективная монография) / Редакторы: В.М. Брицын, Е.В. Рахалина, Т.И. Резникова, Г.М. Яворская. Издавничий Дім Дмитра Бураго. Киев, 2009.

Польской исследовательницей М. Якубович⁷ был предпринят анализ семантической мотивации 'силы', 'слабости', 'здоровья' и 'болезни' (в ряду других фундаментальных понятий) на материале различных славянских языков. Вклад в изучение русской диалектной лексики с семантикой 'болезнь' вносят статьи Л.С. Рассановой⁸. В диссертации Бухтояровой Г.Ю.⁹ анализируется отображение феноменов **болезнь** и **здоровье** в русской языковой картине мира на материале анализа словоупотреблений в текстах современного литературного языка. Однако указанные исследования опираются на ограниченный лексический материал русского языка (преимущественно литературного), что не дает достаточно полной мотивационной характеристики поля. Кроме того, в основном не ставится проблема изменения мотивационной характеристики поля и только в работе Якубович частично затрагивается генетический аспект. Представляется, что именно эти аспекты необходимы для полного исследования поля.

НОВИЗНА настоящей работы заключается в том, что представления этноса о физическом состоянии человека исследуются путем определения мотивационных и генетических (словообразовательно-этимологических) характеристик соответствующего ЛСП на базе лексического материала современного литературного языка, исторических материалов и диалектов, в результате чего выстраивается целостная мотивационная структура лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь» как отражение соответствующего фрагмента языковой картины мира с определением содержания представлений этноса о здоровье и болезни и степени устойчивости / изменчивости этих характеристик в истории языка.

Непосредственным **ОБЪЕКТОМ** работы является лексико-семантическое поле «Сила, здоровье / слабость, болезнь». Анализируемое лексико-семантическое поле разделяется на две составные части: «Сила, здоровье» и «Слабость, болезнь», каждую из которых можно было бы рассматривать как самостоятельное поле. Осуществляемый анализ их как частей единого поля объясняется обнаруженной в ходе работы значительной мотивационной и структурной близостью полей «Сила, здоровье» и «Слабость, болезнь» (они пронизаны антонимичными мотивационными моделями и часто связаны словообразовательными моделями). Рассмотрение в качестве единого поля лексем со значением 'сила' и 'здоровье' (равно как 'болезнь' и 'слабость') обусловлено трудностью (а иногда и невозможностью) разграничения этих значений в толкованиях лексем, предлагаемых лексикографическими источниками.

Семантическая основа и лексическая незамкнутость лексико-семантических полей определяет трудность установления четких границ каждого поля. Как в связи с этим

7 Jakubowicz Mariola. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa 2010. С. 178-212.

⁸ Рассанова Л.С. Процессуальная лексика тематической группы «Болезнь» (на материале картотеки Словаря чердынских говоров) // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Пермь, 2007. Вып. 2. С. 224-228;

Рассанова Л.С. Отражение народных представлений о болезни в лексике северных пермских говоров (на материале картотеки Словаря чердынских говоров) // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Пермь, 2009. Вып. 3. С. 174-183.

⁹ Бухтоярова Г.Ю. Отображение феноменов болезнь и здоровье в русской языковой картине мира. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2010.

справедливо отмечает Е.Л. Березович, «семантическое поле ... не имеет жестких границ и обменивается смысловой энергией со смежными, соседними полями, создавая плавную цепь взаимопереходов и перекрывающие друг друга ареалы»¹⁰. Так, ЛСП «Сила, здоровье / слабость, болезнь» граничит и частично пересекается с полями усталости, лени, смерти, красоты, полноты / худобы и рядом других. Лексемы, принадлежащие к указанным полям, остаются за пределами исследования, хотя в ряде случаев отнесение конкретного слова к той или иной модели является условным. В задачи работы не входил анализ названий отдельных болезней, однако и здесь нельзя не отметить трудность в разграничении семантики 'болезни' вообще и 'повреждения какого-либо конкретного органа или части тела' по данным словарей.

Поскольку нас интересуют только характеристики физического состояния человека, материал, касающийся болезней домашних животных, в состав работы включался избирательно (только в случае необходимости обоснования выделения той или иной мотивационной модели). Не рассматривается сила как характеристика объектов (*сильный дождь* и проч.).

Представляется нужным включать в состав исследования фразеологизмы, учитывая при этом отличие от свободных текстов жестких фразеологизмов, в которых отражаются старые уровни существования языка.

Церковнославянизмы включаются в рассмотрение при наличии фонетической вариантности, отражающей их освоение на русской почве (ср. *мочь – мощь*).

В исследование включены слова разной частеречной принадлежности – глаголы, существительные, прилагательные и наречия, что соответствует современным требованиям исследования полей в качестве необходимого условия полного раскрытия семантических характеристик поля как отражения фрагмента языковой картины мира (В.А. Меркулова¹¹ и Ж.Ж. Варбот¹²).

При рассмотрении лексико-семантического поля как отражения определенного фрагмента языковой картины мира всего этноса наиболее убедительным материалом представляется лексика всех сфер функционирования языка. Соответственно, в настоящей работе материалом являются все сферы функционирования языка (за исключением жаргона) – рассматриваются его литературная, диалектная и историческая формы.

ПРЕДМЕТОМ ИССЛЕДОВАНИЯ являются мотивационная структура ЛСП «Сила, здоровье / слабость, болезнь» в ее динамике и гнездовой состав поля. Поле в работе рассматривается с точки зрения его генетических истоков и динамики воспроизводимых семантических моделей, которые базируются на определенном наборе этимологических гнезд.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ был собран методом сплошной выборки из различных словарей русского языка. Литературная лексика представлена материалом Академического Словаря современного русского литературного языка в 17 томах¹³. Значительный по объему корпус диалектных лексем был извлечен методом

¹⁰ Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания, 2004, №6. С. 3–24.

¹¹ Меркулова В.А. Народные названия болезней (на материале русского языка), I // Этимология 1967. М.: «Наука», 1969. С. 158-172.

¹² Варбот Ж.Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции. (Москва, 8-10 июня 2002). М., 2003.

¹³ Словарь современного русского литературного языка / М., 1950-1965. Т. 1-17.

сплошного чтения из Словаря русских народных говоров¹⁴, Новгородского областного словаря¹⁵, Словаря говоров Подмосковья¹⁶, Словаря русских говоров Среднего Урала¹⁷ и Большого толкового словаря донского казачества¹⁸, а также (частично) Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля. Привлекался материал картотеки Архангельского областного словаря. Использовались следующие исторические словари (в пределах изданных томов): Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)¹⁹, Словарь русского языка XI-XVII веков²⁰, Словарь русского языка XVIII в.²¹ и частично «Материалы...» Срезневского²². Поскольку определение мотиваций далеко не всегда решается на уровне словообразовательных отношений и иногда это вопрос этимологии, приходится опираться на этимологические словари. Базой для этимологических толкований послужили Этимологический словарь славянских языков²³, Этимологический словарь русского языка М. Фасмера²⁴ и Историко-этимологический словарь современного русского языка П.Я. Черныха²⁵. Привлекались отдельные исследования по этимологии.

В соответствии со сказанным выше, **ЦЕЛЬЮ** работы является определение мотивационных и генетических характеристик поля: выявление первичных мотиваций и этимологических гнезд, в которых на различных хронологических уровнях образовывались лексемы со значением 'здоровья', 'силы' и 'болезни', 'слабости', а также определение степени исторической устойчивости / изменчивости мотивационных моделей как отражения соответствующего фрагмента языковой картины мира.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **ЗАДАЧ**:

- определить мотивационные модели исконной лексики лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь» (I глава);
- определить мотивационные модели заимствованной лексики, входящей в поле «Сила, здоровье / слабость, болезнь» (II глава);
- определить соотношение мотивационных моделей частей поля «Здоровье» и

¹⁴ Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1-23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24-41). Л., 1966-2008.

¹⁵ Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Новгород, 1992-2000. Вып. 1-13.

¹⁶ Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

¹⁷ Словарь русских говоров Среднего Урала / Ред. Вовчок П.А. и др. Свердловск, 1964-1985. Т. 1-7.

¹⁸ Большой толковый словарь донского казачества / Ред. коллегия: В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова. М., 2003.

¹⁹ Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) / Гл. редактор Р.И. Аванесов (т. 1-5), И.С. Улукханов (т. 5-6), В.Б. Крысько (т. 7). М., 1988-2004.

²⁰ Словарь русского языка XI-XVII веков / Гл. ред. С.Г. Бархударов (вып. 1-6), Ф.П. Филин (вып. 7-10), Д.Н. Шмелев (вып. 11-14), Г.А. Богатова (вып. 15 - 26), В.Б. Крысько (вып. 27). М., 1975-2006.

²¹ Словарь русского языка XVIII в. / Авторы-сост.: А.А. Алексеев, Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова и др. Вып. 1-17-. Л., 1984-2007-.

²² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I-III. СПб., 1893-1903.

²³ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева (вып. 1-32), А.Ф. Журавлева (вып. 32-33). М., 1974-2007.

²⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. М., 1996, Тт. I-IV.

²⁵ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 2001. Т. I-II.

- «Болезнь» в плане их содержания и структуры соответствующих лексем (III глава);
- определить фонд этимологических гнезд, послуживших источниками лексем исследуемого поля (IV глава);
 - определить динамику / стабильность мотивационных моделей поля в истории языка как отражения представлений этноса о здоровье и болезни (V глава);

Основными **МЕТОДАМИ ИССЛЕДОВАНИЯ** в данной работе являются методы историко-семантического, словообразовательно-этимологического и этимологического анализа.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ исследования заключается в том, что его основные результаты обнаруживают тесную связь мотивационных и генетических характеристик двух частей ЛСП «Сила, здоровье / слабость, болезнь», принципиальное единство характеристик поля в различных сферах функционирования русского языка, значительную стабильность мотивационных моделей в истории языка как отражения представлений этноса о физическом состоянии человека. Подтверждается преимущественное значение «ближней» мотивации для суждения об отражении в лексике определенного фрагмента картины мира. Эти результаты могут быть использованы в дальнейшей разработке теории и методики мотивационного анализа в семантических, этимологических и лингвокультурных исследованиях.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ работы определяется возможностью использования ее материалов и результатов в преподавании курсов лексикологии и диалектологии, а также в спецкурсах и спецсеминарах по этимологии, исторической лексикологии, этнолингвистике.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ:

1) Лексика поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь» в современном литературном языке, его истории и диалектах является результатом реализации 69 мотивационных моделей (67 в исконной лексике и 2 – в производных от заимствований). Обнаруженные мотивационные модели представляют оценку состояния здоровья / болезни на основе признаков, которые могут быть обобщены следующим образом: активность / пассивность субъекта, физические (материальные) характеристики тела, проявление жизнеспособности, соответствие норме, положительная / отрицательная оценка здорового / больного, эмоциональное, ментальное состояние человека и черты его характера; существенно осмысление болезни как активной силы. Лексика части поля «Слабость, болезнь» количественно и мотивационно существенно преобладает над лексикой части поля «Сила, здоровье».

2) Семантические поля 'Здоровье' и 'Болезнь' тесно связаны по составу мотиваций (частотность антонимии мотивационных моделей) и словообразовательными отношениями составляющих части поля лексем.

3) Две части поля на всех уровнях языка обнаруживают преобладание глагольной лексики, что отражает преимущественное внимание носителей языка к собственно физическому состоянию, переживанию (а не личности здорового / больного человека).

4) В сфере заимствований, входящих в рассматриваемое поле, незначительно количество лексем, наследующих семантику поля из языка-источника. На русской почве семантика поля формируется, в основном, в производных от заимствований, преимущественно в соответствии с моделями, реализованными в исконной лексике. Фиксируются также случаи развития значения по моделям, сложившимся на русской

почве, но не представленным исконной лексикой.

5) Лексика поля восходит к значительному набору (476) этимологических гнезд, по преимуществу глагольных, существенно различающихся по объему лексического наполнения и по количеству реализуемых мотивационных моделей.

6) Анализ мотивационных моделей поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь» на разных хронологических этапах показывает, что восприятие ‘силы, здоровья’ и ‘слабости, болезни’ характеризуется относительной устойчивостью при наличии некоторых изменений в истории русского языка. Устойчивость данного фрагмента языковой картины мира обнаруживается в неизменной актуальности ряда мотивационных моделей, а также в сохранении унаследованной лексики, в продолжении действия архаичных моделей, их пополнении новыми лексическими единицами.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ. Существенные положения и результаты диссертационного исследования изложены в докладах на конференциях «Ломоносов» (Москва, 2008 г.), «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2009 г.), «Слово и текст в культурном сознании эпохи» (Вологда, 2010 г.). По теме диссертации опубликовано 2 статьи в журнале «Русская речь» и одна статья – в журнале «Русский язык в научном освещении».

СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ. Исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, указателя анализируемых лексем и библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

ВВЕДЕНИЕ посвящено общей характеристике работы. Обоснованы актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы. Определены цели, задачи и методы исследования, описана структура диссертации.

ГЛАВА ПЕРВАЯ («**Мотивационные модели исконной лексики**») посвящена выявлению мотивационных моделей исследуемого лексико-семантического поля, то есть признаков, лежащих в основе обозначения силы, здоровья и слабости, болезни.

Очень небольшая группа лексем поля является и.-е. наследием, при этом бóльшая часть соответствующих лексем имела семантику поля еще на и.-е. уровне (**krěpъ(jь)*, **cělъ(jь)*, **dužьjь*, **xvorъ(jь)* / **xurъ(jь)*, **slabъ(jь)*). Для праслав. **sila* также наиболее вероятно и.-е. происхождение, но семантика поля появляется на праславянском уровне на основе первичной семантики ‘тянуть, стягивать’ (ср. близкую модель в более поздних образованиях: *связный* (урал.) ‘развитый, физически собранный’). В работе рассматриваются образования, возникшие в истории праславянского или русского языка.

Как более надежное представление этноса о мире, везде, где это возможно, определялась «ближняя» мотивация, реализованная в последнем словообразовательном акте, создавшем слово, или в развитии нового значения в многозначном слове. О важности разграничения «ближней» и «дальней» мотиваций говорит следующий пример. Слово *бескручинный* ‘неомраченный (тяготами, болезнями)’ (СлРЯ XI-XVII вв.) восходит к гнезду **krōciti* ‘искривлять’, но мотивация определяется по последнему словообразовательному шагу: *бескручинный* ← *кручина*. Именно эта модель: ‘Быть здоровым’ ← ‘не испытывать отрицательных эмоций’ – существенна для характеристики поля. Аналогичный пример – слово *непечальный* ‘нетрудный, безболезненный’, которое мотивируется словом *печаль*, а не глаголом *печь*. Так же для *кряж*, *кряжистый* ‘здоровый’ первичная семантика – ‘крепкая часть, ствол, кусок дерева’, так что актуальной оказывается мотивация

‘здоровый’ ← ‘подобный дереву’ и только глубокие этимологические связи ведут к гнезду **kregnoti* ‘сгибать’ (при наличии также мотивационной модели ‘больной’ ← ‘кривой, изогнутый’).

Некоторые мотивационные модели очень близки и трудноразделимы – например, ‘негодный’ и ‘плохой’ (их объединяет идея несоответствия норме), ‘бедный’ и ‘уменьшающийся в объеме’ (идея уменьшения).

В некоторых случаях может оказаться спорным отнесение конкретной лексемы к той или иной мотивационной модели: др.-рус. *одреник* ‘больной, не покидающий постели’: «‘Болезнь’ ← ‘лежать’» или «‘Нездоровье, слабость’ ← ‘смерть’»; пск. *красёха* ‘здоровая женщина’: «‘Здоровый’ ← ‘красивый’» или «‘Здоровый’ ← ‘румяный’, ‘полнокровный’». Этот список можно продолжать (см. *мжить*, *кисель*, *буролом* и др.). Отчасти эти трудности отражают возможность различных уровней обобщения типов мотиваций.

Около трех тысяч исконных лексем поля были распределены по 69 мотивационным моделям.

Выделенные в рамках лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь» мотивационные модели разделены на три группы:

1. Соотносительные (антонимичные) мотивации ‘сила, здоровье’ / ‘слабость, болезнь’,
2. Мотивации, встречающиеся только в концепте ‘слабость, болезнь’,
3. Мотивации, встречающиеся только в концепте ‘сила, здоровье’.

Большая часть мотивационных типов (54 модель) являются соотносительными (антонимичными), то есть представленными и в части поля ‘здоровье’, и в части поля ‘болезнь’ (например, ‘здоровый’ ← ‘гладкий’ / ‘больной’ ← ‘корявый, сморщенный’). Антонимичные отношения, тесно связывающие в мотивационном отношении ‘здоровье’ и ‘болезнь’, подтверждают правомерность рассмотрения соответствующих лексических полей как частей единого ЛСП.

Были выявлены также специфические модели – представленные только в одной части поля. Для части поля ‘болезнь’ обнаружилось 13 таких мотиваций, а часть поля ‘здоровье’ представлена всего двумя специфическими моделями: ‘здоровый’ ← ‘ухоженный, вынянченный’ и ‘быть здоровым’ ← ‘бодрствовать’ (еще две модели, специфические для концепта ‘здоровье’, вводятся заимствованной лексикой).

Названия болезни и слабости представлены гораздо обширнее, чем названия силы и здорового состояния, что соответствует хорошо известной семантической универсалии преимущественного отражения в лексике негативных явлений.

Выявленные мотивационные модели поля позволяют сделать вывод о содержании понятий ‘здоровье’ и ‘болезнь’ в русском языке.

Ниже приводятся основные классы мотивационных моделей, каждый из которых представлен определенным набором моделей, конкретизируемых несколькими лексическими реализациями.

I. Основным мотивационным основанием для противопоставления ‘здорового’ и ‘больного’ является оценка с точки зрения *АКТИВНОСТИ*, присущей здоровому и сильному, и *ПАССИВНОСТИ*, характеризующей больного и слабого.

I. 1. Как можно судить по обилию наполнения мотивационной модели лексемами, ‘здоровье’ в представлении этноса – это, прежде всего, возможность действовать, тогда как ‘болезнь’, наоборот, представляется как неспособность к действию (ср. *мощь*, *могучий* и *немощь*, *изнеможение*).

I. 2. Здоровый человек способен совершать различные (особенно трудовые)

действия (*выносливый, ломовитый, воротяга, стяжистый*), 'больной' – 'не способный работать' (др.-рус. *нетяжа, невыносливый*).

I. 3. Однако чрезмерный труд – причина болезни и слабости (*выработок, натруживаться, перетужиться, майкаться, уходить*).

I. 4. Показателем силы может служить способность ударить (*бой, гасила, стёбарь, загвоздистый, дёркий*), слабый же представляется как будто побитым, ушибленным (*его временем зашибает, пересекло спину, стегать, захлестнуть*).

I. 5. Здоровому присуща быстрота (др.-рус. *поспѣшити* 'оказаться в расцвете сил', *провор* 'сила', *быстрожной* 'сильный', *обрезветь* 'выздороветь'), больной же отличается медлительностью и ленью (*млявость* 'слабость').

I. 6. 'Здоровый' бодрствует (*бодрость* 'крепость, здоровье', *возбуждение* 'прилив сил, подъем').

Внутри общего противопоставления здорового и больного по активности / пассивности выделяется более узкая характеристика – способность / неспособность крепко стоять на ногах и передвигаться.

I. 7. Здоровье связывается со способностью стоять на ногах, с неким подъемом (*подниматься*, др.-рус. *въздвигеннѣ* 'исцеление', *установиться* 'сделаться крепким'), болезнь же, наоборот, – с неспособностью стоять на ногах, падением, понижением (*недвижье, слечь, припадать, заваливаться, сковырнуться, перекидываться, понижаться, никнуть; класть, опуститься*, др.-рус. *одреннѣ* (к *одр*), *сидюха; упадок; запечный*).

I. 8. 'Здоровый' обладает возможностью ходить, двигаться (*сбразживать, стрекать, подпрыгивать, пробрыкиваться, обходиться, взволочься; гонкий, мотоватый, гулянье* 'здоровье'), 'больной' неспособен ходить (*потыкливый, едвабродный; паполза, опешить, стать на постав*).

I. 9. 'Больному' присуща некая 'расшатанность' (*зашататься* 'начать ухудшаться (о здоровье)', *мотоватой* 'имеющий слабое телосложение', *изыбеть* 'похудеть, ослабеть', *расхлябаться* 'разболеться', *развихляться* 'прийти в болезненное состояние', *маячиться* 'быть нездоровым', *вертляжный* 'слабый').

Очевидно, от предыдущей группы, где речь идет об устойчивости и передвижении (ходьбе), целесообразно отделить группу мотиваций, связанных со способностью к движению вообще (движению частей тела).

I. 10. 'Здоровье' ← 'свобода (движений)' (*слободнеть* 'выздоровливать', *повольготней, попроще* 'получше, полегче', *розвязть*, др.-рус. *раздробленне*), 'болезнь' ← 'то, что лишает свободы движений' (*связывать, скрячить, скреплять; сплетеный, невольный; попутаться; паутин*).

I. 11. С этой моделью связано представление о болезни как действующей силе, которая «хватает, держит» человека (*завозимать, держать, забрать, опоясывать; прихватка*), выздоровление же, в соответствии с этим, – 'отпускание' (*отпускать, отдать, ничего не возьмет кого-либо*).

II. В значительной части мотивационных характеристик семантическим основанием являются ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ 'здорового' и 'больного'.

II. 1. 'Здоровый' ← 'целый' (*целый, плотный, сбитый, исцелиться*), болезнь же характеризуется как сила, которая нарушает эту целостность (*сламываться, рухнуть, надрывать, разбиваться, разваливаться, расклеиваться* и множество других примеров).

II. 2. Вариантом этой модели можно считать характеристику по признаку упорядоченности «частей» здорового организма (*исполадиться, сложенный*)

противостоят сдвиг, нарушение порядка, производимые болезнью (*разлаживаться, расстроиться, смяться, крянуться, сдвинуться*).

П. 3. 'Здорового' отличает твёрдость (*затвердѣть* (XVIII в.), *остербнуть; каляный, ледень, окостыжиться, в ступе не столочь*), 'больного' – мягкость (др.-рус. *макота* 'слабость, немощность')

П. 4. Умеренная полнота и большой рост свидетельствует о здоровье (*дебелость, великан, опехтерь, круглыш, обляк, пухляк, намятыш, дородень; заводной, крупнящий; бытеть, бухать, бугровать, вячить*), а худоба и «уменьшение в объеме» – о болезни (*либивый, таять, истончатъ, окаратиться*, др.-рус. *омалѣти, исчезнуть* (XVIII в.) 'захиреть, ослабеть', *обрезаться, окорнаться, дойти до лыка, обмерок, осколок*).

П. 5. К этой мотивационной модели близка другая – восприятие здорового как «наполненного» (*сполниться, набираться*), а больного – как «пустого» (*выбирать, истощиться*, др.-рус. *опустѣти* 'обессилеть', *изойти, полый*).

П. 6. Однако чрезмерная полнота служит семантическим основанием для 'больного' (*пухляк, дублё, сало, облый*).

П. 7. Здоровье связывается с легкостью (*облегчение*), а болезнь – с тяжестью (*потягчить*, др.-рус. *грузла*).

П. 8. Здоровый рисуется «гладким» (*гладыш, лосѣха*), больной же – «корявым», «сморщенным» (*скорба, закоряветь, закорузнуть, закоростѣть* (XVIII в.), *натопорщиться, закочуриться; коржавый*, др.-рус. *скуравый*).

П. 9. 'Больной' и 'слабый' представляется будто бы 'жидким' (*разжиденеть* 'ослабеть, обессилеть', *жидколядвый* 'худой, больной').

Две антонимичные мотивационные модели характеризуют здорового и больного с точки зрения способности / неспособности гнуться.

П. 10. С одной стороны, 'здоровый' ← 'прямой, негибаемый' (др.-рус. *неслякомый* 'крепкий', *выровняться*), 'больной' ← 'искривленный' (*сляка* 'калека', *расклячиться, хилый, скоробиться, скосижить, выгибаться, свертываться, скручивать, скорчить, скуртать, горбиться, кобениться, коверкаться, скляпиться, скататься, коряга, соскань, кривой*).

П. 11. С другой стороны, 'здоровый' ← 'гибкий' (*разламываться, расшататься, обминаться*), а 'больной' ← 'затвердевший, обладающий ограниченной способностью гнуться' (*прямой* 'парализованный, неподвижный', *остолбеть, опрутенеть, заклѣкнуть, заклякнуть, загрубать, спружеть, одеревѣть* (XVIII в.), *забрусинеть, остаметь, недолугий*).

Противопоставление 'здорового' и 'больного' может конкретизироваться сравнением с материалом, из которого как будто «сделан» человек.

П. 12. Сильный и здоровый как будто «сделан» из прочного материала (*железный, мѣдный* (XVIII в.), *литой, каленый*), непрочные же материалы используются для обозначения 'больного' (др.-рус. *безжелѣзный* 'некрепкий, слабый', *перержаветь, мыльный*).

П. 13. Мотивационная модель праславянского по происхождению слова здоровый 'крепкий, как дерево' реализуется и позднее: 'сильный, здоровый' ← 'подобный дереву' (*дуботѣл, окомѣлок, ослопан, отодубеть, коренастый*), 'слабый' ← 'утративший это подобие' (*раздреветь* 'стать вялым, расслабленным').

П. 14. В ряде случаев организм воспринимается как одежда и обувь, и тогда семантическим основанием для 'здоровья' оказывается 'крепкая ткань, одежда' (*дербень, гуня, стѣжный, износу нет кому-либо*), а для 'болезни' – 'плохая,

изношенная одежда (*изнашиваться, стоптаться, отерхать, потасканный, истрепанный, отеребок, лахудра*).

П. 15. Присущей здоровому организму свежести (*свежоха* ‘здоровая женщина’, *перемодеть* ‘пережить нездоровье’) противопоставляется «испорченность» больного, который представляется прокисшим (*окисать* ‘утрачивать здоровье, силу’) или гнилым, сырым (*гнилушина, мокряк, сопреться, протухнуть, сырой, мозглый, дряблый, хлюпкий, затхлый*).

П. 16. Выздоровление уподобляется очищению (*очищение* ‘избавление от болезни’, *опрят* ‘крепкий человек’), больной же представляется мутным, грязным (*мутиться, осоловеть, зачухаться, пятной*).

В значительной степени условно могут быть отнесены к этому же типу (мотивации по физическим характеристикам) следующие модели:

П. 17. Слабый ← сладкий, пресный (*солоделый* ‘вялый, слабый’, *пресной* ‘слабосильный’)

П. 18. Здоровый ← громкий (*громкий* ‘сильный’, *завонный* ‘крепкий, здоровый’), больной ← тихий (*тихий* ‘больной’, *онѣмѣть* (XVIII в.) ‘потерять чувствительность, ослабеть’, *заглохнуть* ‘утратить живость’).

П. 19. Здоровье ← горение (*кто-либо дышит здоровьем*), слабость, болезнь ← сгорание, затухание (*огарок* ‘слабосильный человек’, *гаснуть, потухать, испепеляться* ‘слабеть, терять силы’).

К классу физических характеристик примыкают модели, основанные на сравнении здорового и больного человека с растениями (и их жизненными циклами) и животными.

П. 20. Здоровье уподобляется расцвету, созреванию (*цвети* ‘быть в расцвете сил’, *созревать* ‘достигать физической зрелости’, *опушиться* ‘войти в силу’, *спелый* ‘достигший физической зрелости’), здоровый человек сравнивается с упругими, крепкими растениями (*боровик, лузган, коченистый* ‘сильный’, *ядренный*). Слабость и болезненное состояние ассоциируются с увяданием (*поспелый* ‘одряхлевший’, *пожухлый* ‘увядший (о человеке)’, *вянуть* ‘лишаться сил’, *сгривиться* ‘одряхлеть’) и вялыми, сморщенными растениями (*сморчок*).

П. 21. Для обозначения людей, наделенных большой физической силой, используются названия крупных, хищных, способных постоять за себя животных и их признаки (*орел, вол, конь, кобыляк, жеребец, коровяк, тёлка, лось; рогатый, породистый, оперенный; кунеть* ‘быть здоровым’, ‘выздоровливать’). Названия животных небольшого размера, с дефектами или не способных к сопротивлению служат для обозначения слабого, хилого человека (часто ребенка) (*кляча, падера, козьяк, гнида*, др.-рус. *паўчны* ‘хрупкий, слабый’, *лягуха* ‘тощая женщина’, *муравей, цыплячий* ‘худенький’, *пигалка* ‘физически слабый человек’, *пискун* ‘слабый, болезненный ребенок’, *пистюльга*). К этому типу мотиваций могут быть отнесены также слова, мотивированные обозначениями болезней животных, их изнуренного состояния (*скопытиться, задоенный*).

III. Отдельную группу составляют мотивационные модели, которые можно объединить по следующему признаку: ЗДОРОВЫЙ ← ОБЛАДАЮЩИЙ КАЧЕСТВАМИ И СВОЙСТВАМИ ЖИВОГО, причастный к людям, настоящий, ‘нормальный’; БОЛЬНОЙ ← ЛИШЕННЫЙ СВОЙСТВ И КАЧЕСТВ, ПРИСУЩИХ ЖИВОМУ, ‘отделенный от людей’, ‘ненастоящий’, ‘ненормальный’.

III. 1. Здоровье рисуется как собственно жизнь (*оживать* ‘выздоровливать’, *воскресать, отпетый* ‘выздоровевший после тяжелой болезни’, *из-под святых*

встать), болезнь же, наоборот, уподобляется смерти (*незаживный, заморыш, гиблятина, дохляк, убиться, захалеть, угробленье, онава* ‘физическая слабость’, *покон; полутруп, околетьи, искаженный*).

III. 2. Больной и слабый человек напоминает высохшие останки (*мощи* ‘изможденный, изнуренный болезнью человек’).

III 3. ‘Больной’ похож на тень (*настенъ* ‘болезнь, недуг’, *стиневой* ‘очень худой, тощий’, *тень загробная* ‘о больном человеке’) или привидение (*вйденье* ‘похудевший после болезни человек’, *ма́ра* ‘о человеке слабого здоровья’).

III. 4. Здоровому человеку свойственна полнота жизненных соков (*соковать* ‘набираться сил’, др.-рус. *влага* ‘жизненная сила’, *приток сил, налитый* ‘наполненный силой, здоровьем’, *быть в прыску, отчахнуть* ‘выздороветь’), ‘больной’ же – ‘высохший, лишившийся жизненных соков’ (*худосочие, высыхать, истекать, иссякнуть, чахнуть, выпитый* ‘больной’, др.-рус. *исморкати* ‘обессилить’).

III. 5. Признаком здоровья служит хороший цвет лица, полнокровие (др.-рус. *румянство* ‘здоровый цвет лица’, *краснокровый* ‘здоровый, румяный’, *красняк* ‘здоровый, краснощекий человек’, *ардель* ‘кто-либо румяный, здоровый’), а ‘больной’ – ‘блѣклый’, ‘малокровный’ (*неживокровый, блѣдный* ‘нездоровый на вид’ (XVIII в.)), *заблѣкнуть* ‘стать болезненным’, *выцвести, синюха, зелень; прозрачный, воцаниться, земля выступила на лице*).

III. 6. ‘Быть здоровым’ – это также ‘обладать возможностью дышать’ (*отдѣхнуть* ‘оправиться от болезни’), а болеть – задыхаться (*выдыхаться* ‘ослабевать’, *задвохлый, удушать* – о действии болезни).

III. 7. ‘Быть здоровым’ ← ‘обладать способностью чувствовать’ (*очунеть* ‘выздороветь’, старорус. *ощутити* ‘оправиться от болезни’), ‘болеть’ ← ‘не обладать способностью чувствовать’ (*без чувства* ‘без сил’).

III. 8. ‘Здоровье’ ← ‘наличие души’ (*достать душу* ‘привести в чувство’), ‘болезнь’ ← ‘повреждение или отсутствие души’ (*тицедушность, суходушный, бездушный* ‘слабый, немощный’).

III. 9. ‘Здоровый’ обладает хорошим аппетитом (*жоркий, хробоский, солощый, естьян, бузлан, лабзай, глодарь; подгодоваться*), ‘больной’ же характеризуется как ‘с трудом жующий’ (*жвакун, жуберко*) или ‘ослабевший от недостаточного питания’, (*оголоделый, подъяровываться, аговеть*).

III. 10. Здоровый «обладает» телом и отдельными его частями (*втельный, тушистый, плотный* ‘здоровый’, *оплечиться* ‘окрепнуть’, *лоб* ‘здоровый, крепкий человек’, *охреботок, лодыга* ‘здоровая, крепкая женщина’, *лупетка, рожистый* ‘здоровый, крепкий’, *ножной, сердечный, костьеватый, жилистый* ‘сильный, крепкий, выносливый’), а больной, как бы парадоксально это ни звучало, телом или его отдельными частями «не обладает» (*бестелесный* ‘о легком, изнуренном ребенке’, *безножить* ‘двигаться с трудом от болезни, усталости и т.п.’, *обезручить, обезлядвити, обезживотеть* ‘заболеть’, *обесчеревить, обезжилить, бескишечный* ‘очень худой, болезненный’, *лица нет на ком-либо*).

III. 11. Зачастую организм представляется неким персонифицированным существом, которое может вступать в какие-то отношения с человеком: части тела здорового человека «подчиняются» ему (*слушаться* (о частях тела), *перешалеть* ‘перестать болеть’), а больные органы и части тела перестают ему «подчиняться» (*легкие шалют, ноги подыграли, рука начала изменять, головушка разгулялась* ‘разболелась’).

III. 12. 'Здоровый' – «настоящий» (*настоящий* 'плотный, дородный'), 'больной' же – как будто «ненастоящий» (*неправдошный* 'болезненного вида', *нарочешный* 'плохой, слабый', *обмен* 'человек, сильно изменившийся после болезни, ставший непохожим на себя')

III. 13. 'Здоровье' понимается как соответствие норме (*поправляться, порядочный* 'здоровый'), 'болезнь' – несоответствие норме (*неправской* 'больной')

III. 14. 'Здоровый' ← 'причастный к людям', 'больной' ← 'отделенный от других, находящийся в стороне' (*огородиные* 'состояние, близкое к смерти', *старость завесила* 'одряхлел кто-либо', *сторонник* 'калека, инвалид', *отсталой* 'болезненный', *сесть в угол* 'заболеть, стать нетрудоспособным').

III. 15. 'Выздороветь' ← 'освоиться, укрепиться на новом месте' (*очапаться*), 'болеть' ← 'странствовать' (*почапаться, пространствовать*).

III. 16. Идея несоответствия норме лежит в основе модели 'слабый (мужчина)' ← 'подобный женщине' (*баба, бабик*).

IV. Выделяется класс мотивационных моделей, базирующихся на ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ ЗДОРОВОГО И СИЛЬНОГО / ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ БОЛЬНОГО И СЛАБОГО.

IV. 1. Здоровье и здоровый человек – это вообще нечто хорошее (*хорош кто-либо* 'здоров', *лутчать* 'выздоровливать', *полешишь* 'полегчать'), болезнь и страдающий от болезни человек – нечто плохое (*с плошиной* кто-либо 'с физическим недостатком', старорус. *испортитися* 'стать больным, повредиться', др.-рус. *озленне* 'страдание, болезнь', *лихота* 'недомогание, болезнь', *хужеть* 'об ухудшении болезненного состояния', *неблагота* 'нездоровье').

IV. 2. 'Здоровье' ← 'беспорочность' (др.-рус. *непорочный* 'без физического или нравственного порока'), 'исцеление' ← 'прощение' (старорус. *прощенье* 'освобождение от болезней'); 'болезнь' ← 'вина', 'недостаток' (др.-рус. *порокъ* 'физический недостаток', *покор* 'изъян', *повинка* 'физический недостаток', *страмушка* 'болезненная женщина').

IV. 3. Семантическим основанием для противопоставления здорового и больного может быть оценка внешности: 'здоровый' ← 'красивый, производящий благоприятное внешнее впечатление' (*красавый, взрашный* 'здоровый', *мазёха* 'здоровая и красивая женщина', *лубочная картина* 'богатырь'), 'больной' ← 'вызывающий отвращение', 'такой, на которого неприятно смотреть' (*незрачный* 'изможденный', *вытраска* 'болезненное лицо', *моргливый* 'больной, хилый', *изгадиться* 'стать больным', *гаведь* 'болезнь', *лежать в безобразии* 'быть тяжело больным и без ухода').

IV. 4. Следующая модель может толковаться как оценка положительных / отрицательных качеств с частичной ориентацией на сравнение с имущественными отношениями. 'Здоровье' ← 'достаток' (*корыстный* 'крепкого телосложения', *сберегаться, сохранять* 'беречь силы, здоровье'); 'болезнь, слабость' ← 'бедность, утрата' (*неимуций* 'бессильный', *скудаться* 'болеть', *истратиться* 'потерять здоровье', *поницеть* 'ослабеть, отощать', *заубожить* 'заболеть', др.-рус. *лишенный* 'бессильный', *некорыстный* 'тщедушный, слаборазвитый', *издержать* 'потерять (силу, молодость)', *похищать* 'причинить вред, сглазить', *голова разорила* 'заставила страдать, мучиться').

Следующие две модели могут расцениваться как принадлежащие к этому классу и, равным образом, к классу характеристики по соответствию норме.

IV. 5. 'Здоровый' ← 'подходящий', 'приходящийся в самый раз' (*доб* 'силен,

здоров', годявый 'обладающий крепким здоровьем', **разовой** 'крепкий, сильный', **прок** 'физические возможности действовать'); '**больной**' ← '**малопригодный**' (**изнедобиться** 'обессилеть, ослабеть', **негодница** 'человек, ставший нетрудоспособным по старости или по болезни', **неражий** 'слабый здоровьем', **никчемушный** 'физически слабый', **никудышник** 'больной, слабый человек', **никакой** 'нездоровый', **никтошка** 'слабый, никуда не годный человек', **заничегнуть** 'заболеть', **ледащий** 'тщедушный, хилый').

IV. 6. '**Сильный, здоровый**' ← '**подходящий по возрасту**' ('молодой', 'зрелый') (**молодец, детина, юноша, неостарок, парнистый, матёрый**, старорус. **средовѣчный, растовой** 'полный сил', **самовременный, возмужалость, на поре** 'в расцвете сил'), '**слабый**' ← '**не подходящий по возрасту**' ('еще маленький' или 'уже старый') (**старина, древность** 'дряхлость', **излетный** 'дряхлый', **непорнящий**).

V. Основанием для объединения ряда мотивационных типов является реализуемый в них принцип номинации здорового / больного по **ЭМОЦИОНАЛЬНОМУ, МЕНТАЛЬНОМУ СОСТОЯНИЮ** и по **ЧЕРТАМ ХАРАКТЕРА**.

V. 1. Психическое состояние человека может переноситься на его физическое состояние: '**быть здоровым**' ← '**не испытывать отрицательных эмоций**' (старорус. **непечальный** 'безболезненный', старорус. **бескрѣчинный** 'не омраченный болезнями'), '**болеть**' ← '**горевать**', '**испытывать негативные эмоции**' (**израда** 'увечье, истязание', др.-рус. **кročинна** 'болезнь', др.-рус. **печаль** 'болезнь', **бахмурка** 'безболезненное состояние', **обида** 'болезнь'; **тужить** 'болеть', **скучать** 'болеть', **растосковаться** 'разболеться', **грустно** 'о плохом самочувствии').

V. 2. Семантическим основанием для '**болезни**' может быть '**волнение, беспокойство**' (**безпокойство** (XVIII в.) 'физическое недомогание', **волноваться** (XVIII в.) 'приходить в беспокойное движение от болезни').

V. 3. '**Здоровый**' – '**способный мыслить, понимать, обладающий памятью**' (**обумиться, опамятиться**), '**больной**' ← '**глупый**' (**глупый** 'слабый, бессильный', **недоумка** 'слабый, больной человек', **немудренький** 'имеющий не очень здоровый, некрепкий вид', **без ведения** 'без сознания, без чувств', **ошалеть** 'потерять силу, здоровье', **из памяти выйти** 'впасть в бессознательное состояние').

V. 4. '**Сильный**' ← '**отважный**', '**дикий**', '**свирепый**' (др.-рус. **вѣйство** 'сила, смелость', старорус. **грозный** 'могущественный, сильный', **лютый** 'сильный', **ретивый** 'здоровый'), '**слабый**' ← '**смиранный**', '**трусливый**' (др.-рус. **сиѣренный** 'больной', **беззащитный** 'слабый, беспомощный', **задрыга** 'слабый, трусливый человек').

VI. Две антонимичные мотивационные модели объединены семантическим признаком '**ухоженный**', '**вынянченный**', который может служить для номинации как здорового и сильного, так и физически слабого.

VI. 1. '**Здоровый**' ← '**ухоженный**', '**вынянченный**' (**запестыш** 'полный, здоровый ребенок', старорус. **питанный** 'полный сил').

VI. 2. '**Больной**' ← '**изнеженный**' (**нежность** 'физическая слабость', **дрошный** 'чувствительный к боли', **тонкокожий** 'слабый').

VII. Как особый класс можно выделить ряд мотивационных моделей, основанных на том, что **БОЛЕЗНЬ** осмысливается как некая **АКТИВНАЯ СИЛА, ОКАЗЫВАЮЩАЯ НА ЧЕЛОВЕКА РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ**.

VII. 1. Болезнь «мнёт», «давит». Соответственно, '**выздоровление**' ← '**освобождение от давления**' (**оклешаться** 'поправиться', **немятый** 'не измученный работой', **процемить** 'кончить болеть, щемить'), '**болезнь**' ← '**давление**',

‘сжимание’ (*задавить* ‘замучить, одолеть (о болезни)’, *жсмануть* ‘сильно, внезапно схватить (о болезни)’), *щемота* ‘боль’, *защавлить* ‘занять’, *разгнетает* ‘ломает, давит, трясет’, *мялы* ‘тяжелое, болезненное состояние человека’, *стиски* ‘приступы болезненного сдавливания за грудиной’, *переть* ‘тянуть (о болезненных ощущениях)’, *разлепешить* ‘сильно поранить’).

VII. 2. ‘Болезнь’ ← ‘то, что ест человека’ (старорус. *иссиѣдати* ‘лишать сил’, *грыжа* ‘резь, боль, болезни внутренних органов’, *жевать*, *ссать* (=‘сосать’) ‘об ощущении боли’, *глот* ‘изнурительная болезнь’, *осоглодь* ‘человек, исхудавший после болезни’, *подкусить* ‘свалить, одолеть (о болезни, беде)’).

VII. 3. ‘Болезнь’ уподобляется огню (*жечь* ‘вызывать болезненное ощущение’, старорус. *разгорѣтися* ‘разболеться’, *палиха* ‘болезнь’, *печей* ‘боль под ложечкой’, *огнёва* ‘о слабом, невзрачном человеке’, старорус. *вскипѣти* ‘прийти в расстройство, заболеть’, *пересмягнуть* ‘разомлеть, раскиснуть’, *зацадать* ‘начать чахнуть’, *варом варит* ‘о повальной гибели от болезни’).

VII. 4. Болезненное состояние связывается с натяжением (*потягуша* ‘болезненное недомогание’).

VII. 5. ‘Болезнь’ как будто «вертит, переворачивает» человека (*повертуха* ‘легкое нездоровье’, *повитуха* ‘заразная болезнь’, *круженный* ‘слабый, нездоровый’, *закрут* ‘резь, колика’, *кататься* ‘страдать от боли’, *колесит* ‘очень нездоровится, ломает’).

VII. 6. ‘Болезнь’ может осмысляться как ‘враг’, ‘противник’: можно одержать над ним победу (*побороть*, *победить*, *осилить болезнь*, *создолять*, *слаживать с болезнью*) или потерпеть поражение (*болезнь долит*, *поражает*, *нападает*; *лихорадка сборола*; *изворожиться* ‘надсадиться, надорваться’).

VII. 7. Изменение физического состояния человека может объясняться «близостью» к болезни или «нахождением на расстоянии» от нее: ‘здоровье’ ← ‘удаление от болезненного состояния’, ‘приближение к нормальному состоянию’ (*отойти*, *отводиться* ‘перестать болеть’, *вываливаться* ‘выздоровливать’, *отхлянуть* ‘поправиться’, *прийти в здоровье*, *привести в здравие*, *попройти* ‘полегчать’, *отхлянуть* ‘перестать болеть’, *отваливать* ‘ослабеть (о болезни, боли)’); ‘болезнь’ ← ‘удаление от нормального состояния, невозможность его достичь’, ‘приближение к болезненному состоянию’ (*заилой* ‘хилый, слабый’, *недошлой* ‘недоразвитый’, *доходяга*, *доводиться* ‘заболевать’, *доскочить хворобы* ‘внезапно заболеть’).

VIII. Как особый класс можно выделить случаи ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАЗВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ БОЛЕЗНЕЙ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ НЕЗДОРОВЬЯ ВООБЩЕ (*безвредный* ‘невредимый, здоровый’, *несворобливый* ‘не больной’; *веред*, *чахоточный* ‘болезненный, чахлый’, *запаршиветь* ‘заболеть чем-либо’, *кила* ‘всякая болезнь, которая возникает, по суеверным представлениям, от наговора, навета и т.п.’, *замытиться* ‘заболеть’, *мозольный* ‘причиняющий сильную боль’, *нихорадка* ‘любая болезнь’, *сопатый* ‘больной, убогий’).

Важно отметить существование двувалентных моделей, демонстрирующих примеры того, как один и тот же признак может расцениваться и как положительный, и как отрицательный.

Например, мягкость может рассматриваться как свидетельство упитанности, здоровья (*намятыш* ‘сильный, крепкий, здоровый человек’, *мягкий* ‘плотный, здоровый, крепкого сложения’), а может, напротив, служить для обозначения слабости, вялости (*мякушка* ‘негодный к службе новобранец’, *обмякать* ‘становиться расслабленным, вялым, дряблым’). Аналогично твердость может быть

признаком как здорового (*затвердѣть* (XVIII в.) ‘окрепнуть’, *стерблѣй* ‘физически крепкий’), так и больного, неспособного гнуться (*прямой* ‘парализованный, неподвижный’, *остолбеть* ‘в результате болезни потерять способность двигаться’, *опруеть*, *заклѣкнуть*, *заклякнуть*, *загрубать*, *спружеть*, *одеревенѣть* (XVIII в.) и др.).

Насыщенность влагой может квалифицироваться как показатель здоровья (*соковатъ* ‘набираться сил’, др.-рус. *влага* ‘жизненная сила’, *быть в прыску*), а может использоваться как обозначение болезни и слабости (*сырой* ‘болезненно вялый, слабый’, *дряблѣй* ‘слабый’, *мокрѣк* ‘слабосильный человек’, *мозгнуть* ‘недомогать’). Соответственно, и сухость может расцениваться двояко: как «просыхание» до нормального состояния, достижение свежести и здоровья (*выбыгать* ‘выздороветь’, производное от заимствования) и как отсутствие необходимых жизненных соков (*засухотеть* ‘зачахнуть’, *истекать* ‘терять силы’, *выпитый* ‘изможденный’, *иссякнуть* ‘ослабеть, изнеमочь’, *зачахнуть*, др.-рус. *иссморкати* ‘истощить, обессилить’).

Огонь может являться семантическим основанием и для здоровья, и для болезни. С одной стороны, ‘быть здоровым’ ← ‘ярко гореть’ (*кто-либо пышет здоровьем*), с другой стороны, ‘болезнь’ ← ‘огонь’ (др.-рус. *раждаганнѣ*, старорус. *разгорѣтисѣ*, *сжигать*, *печь* – о жгучей боли).

Лѣгкость – это ощущение физической свободы (*льгота* ‘облегчение в болезни’, *легоба* ‘облегчение от болезни, боли’, *лѣгость* ‘ощущение физической свободы, облегчение’), но этот же признак отличает слабого человека (*легкий* ‘бессильный, не способный к тяжелому труду’).

Ухоженный человек, вынянченный ребенок может расцениваться как здоровый (*запестыши*, *опестыши* ‘полный, здоровый ребенок’, старорус. *питанный* ‘полный сил’) и как слабый, изнеженный (*нежность* ‘физическая слабость’, *дрошный* ‘чувствительный к боли’, *тонкокожий*, *лебезный* ‘слабый’).

Важно отметить, что в ряде случаев оказывается существенной градация мотивирующего качества.

Например, процесс горения, в зависимости от его интенсивности, мотивирует разные концепты. Яркое горение обозначает расцвет сил (*кто-либо пышет здоровьем, жизнью*), а затухание, наоборот, – болезнь и слабость (*сгорать*, *гаснуть*, *потухать*, *испепеляться*).

Умеренная полнота свидетельствует о здоровье (*дебелый* ‘крепкий, сильный, могучий’, *побытеть* ‘поздороветь’, *кругляк* ‘крепыш, здоровяк’, *обляк* ‘здоровяк’, *дородень* ‘здоровый мужчина’, *пухляк* ‘здоровый ребенок’, *намятыши* ‘сильный, крепкий, здоровый человек’, *мягкий* ‘здоровый, крепкого телосложения’). Чрезмерная же полнота, тучность расценивается как ненормальное, болезненное состояние (*пухляк* ‘отечный, больной человек’, *облѣй* ‘слабый здоровьем’, *дублѣ* ‘тучный, нездоровый человек’).

В ряде случаев представлена антонимия значений непосредственно в лексемах. Так, существительное *коковень* развивает антонимичные значения: ‘слабый, немощный старик’ (арханг.) и ‘плотный, здоровый, физически крепкий человек’ (южн.-сиб.). Первое значение развивается на основе первичной мотивации ‘затвердевший, негибкий’ → ‘больной’, а второе значение – по модели ‘твердый’ → ‘здоровый’. Прилагательным *спелый* (модель «Сравнение с растениями и их жизненными циклами») обозначается как человек, достигший физической зрелости, так и уже состарившийся, одряхлевший. Ср. также в *рахманный*, *рахманный*

(производное от заимствования) значения ‘хилый, слабосильный, болезненный’ (юго-зап., юго-вост., калин., смол., орл.) и ‘здоровый, крепкий, румяный, пышный’ (пск., дон.).

Поскольку каждое лексико-семантическое поле отражает определенный фрагмент картины мира, существенно определить, какие ипостаси данного поля (действие / состояние / субъект / качество субъекта) выделяются этносом как наиболее существенные. Все лексемы анализируемого поля расклассифицированы по лексико-грамматическим значениям: «Существительные (состояние)», «Существительные (субъект состояния)», «Глаголы состояния человека», «Глаголы соответствующего воздействия на человека», «Прилагательные и причастия (качество человека)», «Прилагательные и причастия (воздействие на человека)», «Наречия». По этой схеме на каждую модель представлены образования различных гнезд. Анализ частеречной принадлежности лексем исследуемого поля показывает, что среди лексики ЛСП «Сила, здоровье / слабость, болезнь» преобладают глаголы и прилагательные, что свидетельствует о преимущественном внимании этноса к состоянию и качеству здорового / больного. В меньшей степени представлены имена существительные; среди последних преобладают те, которые называют само состояние, существительные же со значением субъекта состояния уступают им по количеству.

Специфическим для части поля ‘Болезнь’ является возможность представления болезни в качестве субъекта: *Болѣзни объѣмлют тѣло, скорбь мозжит его и сверлит (Радищев), Жестокая болезнь свалила меня совершенно (Островский), Как кладет народ-то рак (новг.), Лихорадка коробит больного (Слов. Акад.), И такая памха на всю деревню навалилась (новг.), Вот сволочи, чтоб вас холера поимала! (том.)* и множество других примеров. Типичным является также безличное употребление: *Эк, тебя, парень, искорѣжило! (КАССР); Что, брат, закорючило? (вят.); Живот переняло, перенимает (влад.)* и проч.

Таким образом, на основе выявленных мотивационных моделей можно сделать вывод о содержании понятий ‘здоровье’ и ‘болезнь’ в русском языке.

В ГЛАВЕ ВТОРОЙ («Заимствованная лексика, входящая в поле «Сила, здоровье / слабость, болезнь», и ее мотивационные характеристики») рассматриваются слова лексико-семантического поля ‘Сила, здоровье / слабость, болезнь’, пришедшие к нам из других языков, и проводится анализ заимствований с точки зрения их отношения к представленным в рамках этого ЛСП мотивационным моделям. Приводятся все заимствованные слова, независимо от степени давности заимствования.

Существенно разделение тех заимствований, которые пришли в русский язык уже с семантикой исследуемого поля, и тех, которые пришли к нам с другой семантикой, а значения ‘силы, здоровья’ или ‘слабости, болезни’ развили уже на русской почве. Анализ заимствованной лексики анализируемого ЛСП выявляет значительное преобладание лексем, развивших семантику поля уже на русской почве, над теми, которые пришли в русский язык уже со значением ‘силы, здоровья’ и ‘слабости, болезни’ (в основном, это имена мифических и библейских персонажей, ставшие в русском языке нарицательными).

Обнаружена преимущественная зависимость формирования семантики поля в заимствованной лексике от существующих в русском языке моделей: те заимствования, которые развивают значения ‘силы, здоровья’ и ‘слабости, болезни’ на почве русского языка, следуют исконным моделям. Заимствования вводят две

мотивационные модели, отсутствующие в исконной лексике: 'Здоровый' ← 'важный, солидный, обладающий властью' (*важный вид, бардадым, козыристый*) и 'Здоровый, могучий человек' ← 'чужеземец' (*исполин, кайван*). Обе модели являются эксклюзивными для части поля 'Здоровье'. Относительно фонда моделей заимствованной лексики можно отметить, что здесь, как и в случае с исконной лексикой, преобладают соотносительно-антонимичные (для частей поля 'Здоровье' и 'Болезнь') мотивационные модели; достаточно обширно представлены модели, специфические для части поля 'Болезнь', и лишь две модели являются специфическими для части поля 'Здоровье' (см. об этом выше).

Семантика исследуемого поля редко появляется в самом заимствованном слове (например, *батырь, гайдук* 'богатырь, силач', *легавый* 'тощий', *поганый* 'нездоровый', *скудель* 'человек слабого здоровья', *корпус* 'сила', *оковалок* 'здоровый подросток', *калык* 'плотный человек', *выть* 'сила, крепость', *дулеп* 'человек с физическим недостатком', *атака* 'приступ болезни', *натура* 'здоровье', *карандыш, (выжатый) лимон, гарбуз, мерин, битюг, бухмет, бугай, буйло, кабан, лев, карбыш, мумия, деликатный*). Гораздо чаще значения 'сила', 'здоровье' и 'слабость, болезнь' появляются в производных от заимствованных лексем, причем многие из них обладают значительной словообразовательной потенциальностью, вплоть до способности образовывать обширные гнезда однокоренных слов (*шпора* → *зашпоры* 'острая боль'; *винт* → *винтить, завинтить (на брюхе), развинченный, развинчиваться; кадык* → *окадычиться* 'внезапно заболеть'; *конда* → *кондовый* 'физический сильный'; *карша* → *каршеватый* 'крепкий', *закаршиненный* 'болезненный на вид'; *крюк* → *закрючиться, крючить, прикрючивать; сталь* → *стальной; скудель* → *скудельный; быгать* → *выбыгать, обыгать, обыгаться, прибыгаться, пробывать, пробываться; корпус* → *корпусовать* 'быть в силе', *корпусный* 'крепкого телосложения'; *спина* → *обесспинеть; бунт* → *мозга бунтуют; розовый* 'здоровый', *барва* → *барвянеть* 'крепнуть', *барвяный* 'здоровый'; *котел* → *котленный* 'потемневший во время болезни'; *вага* → *отвага* 'ослабление боли', *обважнеть* 'ослабнуть', *важко* 'о нездоровье, недомогании'; *рында* → *рындик* 'человек с отличным здоровьем'; *микро-* → *микренький* 'малосильный'; *мизерный* → *мизернеть, мизерность* 'тщедушность'; *нуль* → *нулиненький* 'тощенький'; *жесть* → *жёсткий, жестокий* 'сильный'; *табор* → *отабориться* 'восстановить силы, здоровье'; *выть* → *вытный; банкрот* → *сбанкрутиться* 'обессилеть'; *харчи* → *захарчёванный; пост* → *испоститься, испостоваться; натура* → *натуральный, натуралистый; норма* → *нормальность, ненормальный; бирюк* → *забирючить; рахит* → *зарахитеть; огурец* → *огурчик; ланда* → *ландуха; капуста* → *закапуститься, раскапуститься; лошадь* → *лошадистый, излошадный; маштак* → *маштаковатый; слон* → *слонина; крахмал* → *накрахмаленный; праца* → *працованный*).

На фоне сравнительно равномерного распределения заимствований по мотивационным моделям выделяются обилием наполняющих их лексем модели «Сравнение с растениями и их жизненными циклами» и «Сравнение с животными» (в рамках последней следует отметить обширную группу слов со значением 'конь, лошадь', обозначающих сильного, выносливого человека).

Круг языков, послуживших источниками анализируемых заимствований, весьма широк: греческий (*голиаф, атлант, атлет, огурец; маразм, микренький, маржовенький, зарахитеть, корсунский, рахманный*), латинский (*геркулес, розовый; альтерация, поганый, скудельный, котленный, мизерный, нулиненький,*

натура, буйло, деликатный, нормальность), германские языки (старые заимствования *горазд, дулеп, крюк*; заимствования из немецкого *драбант, стальной, корпус, барвянеть, зашпоры, забуровить, завинтить, бунтовать, оковалок, вага, испостоваться, нефальшивый, крахмал*), французский (*индиспозиция*), итальянский (*банкрот*), английский (*рында*), польский (*лежавый, бардадым*), чешский (*працованный*), персидский (*палаван*), тюркские языки (*еруслан, батырь, батрак, окадычиться, калык, жёсткий, жестокий, отабориться, обалдеть, карандыш, гарбуз, лошадиный, бухмет, бугай, кабан, карбыш, канышаты, забирючить*), финно-угорские языки (*гайдук, кондовый, каршеватый; закаршиненный, каренговатой, выбыгать*), монгольские языки (*зундугло, мерин, маштак*), китайский (*слон*), арабский (*мумия*).

Обращает на себя внимание обилие представленных в заимствованной лексике существительных со значением субъекта состояния, тогда как в исконной лексике они значительно уступают по количеству глаголам состояния, прилагательным и существительным со значением состояния.

Другим существенным отличием заимствованной лексики от исконной является преобладание лексем со значением 'Здоровье, сила', тогда как в исконной лексике названия болезни и слабости представлены значительно более широко, чем названия здорового состояния и силы.

Таким образом, анализ заимствований с точки зрения их отношения к формированию ЛСП «Сила, здоровье / слабость, болезнь» дает нам результаты, несколько отличные от представленных в исконной лексике.

Осуществленный в ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ («Словообразовательные модели как формальное выражение связи двух частей поля») анализ словообразовательных моделей лексики поля обнаружил формальное выражение взаимозависимости его частей: лексика части поля 'Здоровье' и части поля 'Болезнь' часто находится в словообразовательной зависимости друг от друга.

Из 476 праславянских гнезд, послуживших источниками лексики поля, 128 гнезд имеют производные в обеих частях поля. В задачи исследования входило выявление зависимости в определении 'болезни' через 'здоровье' или 'здоровья' через 'болезнь'. Результаты свидетельствуют о том, что значительно чаще 'болезнь' определяется через отрицание 'здоровья'.

Основным словообразовательным средством для этого являются префиксы с отрицательным значением и со значением выхода из какого-либо состояния: *без-* / *бес-* (*мочь – безмочный*), *вы-* (*жить – выжить*), *за-* (*дышать – задыхлец*), *из-* (*гожий – изгожаться*), *не-* (*отяг – нетяжа*), *о-* (*бродкий – обродно*), *об-* (*мочь – обмоготить*), *от-* (*рабствовать – отрабливаться*), *пере-* (*ожилати – пережиливаться*), *раз-* / *рас-* (*доб – разнедобить*), *с-* (*дышать – сдыхало*), *у-* (*дышать – удушать*). Часто префиксы выступают в различных комбинациях (*мощи – вознемоществовати, мочь – занемогчи, мочь – занедомогать, мочь – издомогаться, доб – изнедобиться, сдолить – невздолящий, мочь – незамочь, мочь – неизмогать, мочь – непоразмочься, мочь – неразмочься, могучий – несможной, рослеть – недорослинка, полнокровный – обескровливаться, мочь – онемочи, мочь – обнемочь, мочь – отнеможение, мочь – позанемочи, мочь – понемагивать, мочь – пренемогати, мочь – принемочь, мочь – разнемога, мочь – снеможение*).

Используются также сложения, в первой части которых функционируют полнозначные лексемы с количественным или качественным негативным

компонентом семантики (*полу-, едва-, мало-, неудобо-, скудо-, слабо-, сухо-, тще-, худо*) и *-вред* в качестве второй части сложения. Помимо этого, в качестве формального выражения связи двух частей поля могут выступать предлог *без* (*очухиваться* ‘выздоровливать’ – *без чувства* ‘без сил’) и частица *не* (*стоять* ‘выживать, не умирать’ – *не стоят глаза* ‘плохо видит кто-либо’).

‘Здоровье’ определяется через ‘болезнь’ значительно реже, и только с помощью префиксов (*без-* / *бес-* (*гибель* – *безгибельный*), *не-* (*рухнуть* – *нерушимый*), *о-* (*клетчат* – *оклетчат*), *от-* (*печаль* – *отпечаловать*), *пере-* (*хилый* – *перехилить*), *про-* (*щемить* – *прощемить*), *раз-* / *рас-* (*дурниться* – *раздураться*). Зафиксирован только один случай использования двух префиксов: *вред* – *неповредимый*.

Как в случаях выражения болезни через отрицание здоровья, так и в случаях выражения здоровья через отрицание болезни наиболее продуктивными префиксами являются *не-* и *без-* / *бес-*.

Наряду со случаями словообразовательной зависимости лексем одной части поля от другой (выражения здоровья через болезнь или болезни через здоровье) обнаруживаются примеры соотносительности частей поля ‘Здоровье’ и ‘Болезнь’, создаваемой антонимичными префиксами (модели и лексем, относящиеся к части поля «Здоровье» приводятся к индексом «А», а модели и лексем, относящиеся к части поля «Болезнь», – с индексом «Б»):

А) сбить, сбитый – Б) разбиваться; разбивать, разбитый (модель ‘Здоровый’ ← ‘целый’, ‘состоящий из плотно прилегающих частей’, ‘плотно сплетенный’, ‘больной’ ← ‘разделенный на части’, ‘с нарушенной целостностью’, ‘размотанный’),

А) набираться – Б) выбирать (модель ‘Здоровый’ ← ‘наполненный’, ‘больной’ ← ‘пустой’),

А) розвязать, розвязь – Б) связывать (модель ‘Здоровье’ ← ‘свобода (движений)’, ‘болезнь’ ← ‘то, что лишает свободы движений’) и другие подобные примеры.

Интересно отметить случаи, когда использование префиксов (*о-, от-, раз-, из-*) в разных значениях ведет к развитию энантиосемии:

очунеть, очунеться ‘выздороветь, прийти в себя’ (*Кагда чилавек тиристал балеть, так ета он ачунел*) (дон.) и **очунеть** ‘заболеть’ (о животных), ‘лишиться чувствительности, онеметь (о частях тела)’ (*У меня от холода руки очунели*) (влад.);

оклетчат ‘выздороветь, поправиться’ (*Оклетчал маленько, теперь жить буде*) (пск.) и **оклячеть** ‘окоченеть, потерять от холода гибкость’ (*Не только руки и ноги на морозе оклячают, но и губы: тпру не скажешь*) (ростов., яросл.)

отживать ‘жить; выздоровливать’ (*Бывало раньше не делали уколов-то, дак и так отживали*) (арханг.) и **отживать** ‘стареть, дряхлея, становиться нежизнеспособным; миновать пору расцвета физических и духовных сил’ (*В такой отживающей женщине вы не найдете следов той энергии, которая кипела в молодой девушке*) (Писар., «Женск. типы»).

размога ‘стремление преодолеть недомогание, слабость’ (*Лихорадку да лень размогой отбывай*) (Даль) и **размогаться** ‘разнемогаться, заболевать’ (перм.);

раздураться ‘прийти в себя, в сознание’ и **раздуреться** ‘разболеться, начать болеть’.

Близкой представляется ситуация в следующем случае, который отличается, однако, от предшествующего сочетанием отношений энантиосемии с развитием семантики состояния (‘болеть’) в семантику действия, направленного на объект (‘вылечивать’): **мочь** [состояние] > **мочься, могаться** [состояние] > **могать** [перех.]:

измогать (неперех.) ‘болеть, ослабевать, лишаться сил’ (Чем ты, Саша, не изможешь, чем, милая, не здорова) (КАССР) и *измогать* (перех. и неперех.) ‘вылечивать’ (Измогают оне [костоправы], у кого рука или нога) (влад.).

Возможность энантиосемии при тождественных префиксах может быть объяснена только многозначностью префиксов.

Обнаруженные структурные связи частей поля ‘Здоровье’ и ‘Болезнь’ подтверждают необходимость рассмотрения их как единого целого.

В ЧЕТВЁРТОЙ ГЛАВЕ («Состав этимологических гнезд, порождающих лексику поля») реконструируется весь круг этимологических гнезд, которые оказываются потенциальным источником лексики поля ‘сила, здоровье’ / ‘слабость, болезнь’. Как было сказано, наибольшую доказательность для этимологии имеет установление «ближней» мотивации (по ближайшему словообразовательному акту), но, тем не менее, для этимологии очень существенно выяснение также дальних мотивационных источников, а именно тех этимологических гнезд, к которым, так или иначе, восходят лексемы поля.

Гнездовой анализ обнаружил распределение лексем по 476 праславянским этимологическим гнездам. Лексическое наполнение гнезд крайне неоднородно: одни (такие, как гнезда **mogti(se)*, **dervo* и некоторые другие) насчитывают десятки лексем, другие представлены единичными примерами.

Неоднородно также наполнение гнезд типами мотиваций. Многие из них дают производные сразу по нескольким мотивационным моделям (наибольшее количество – 9 моделей – отмечено у гнезда **stojati*, **stati*):

1) ‘Быть здоровым’ ← ‘стоять на ногах’, ‘вставать’, ‘подниматься’; ‘болеть’ ← ‘лежать’, ‘сидеть’, ‘падать’, ‘понижаться’ (о самом человеке и его силах): А) *възстаніє, отстаиваться, установной*; Б) *немоща стоять* и пр.;

2) ‘Здоровый’ ← ‘обладающий возможностью ходить, двигаться’, ‘больной’ ← ‘неспособный ходить’: А) *стать на постав, станového стретить*;

3) ‘Сильный, здоровый’ ← ‘подходящий по возрасту’ (‘молодой’, ‘зрелый’), ‘слабый’ ← ‘не подходящий по возрасту’ (‘еще маленький’ или ‘уже старый’): А) *неостарок, бесстарха, нестарѣющийсяя*; Б) *старѣ, остарелый* и проч.;

4) ‘Здоровый, сильный’ ← ‘способный совершать различные (особенно трудовые) действия’; ‘больной, слабый’ ← ‘не способный работать’: А) *неусталый*;

5) ‘Здоровый’ ← ‘целый’, ‘состоящий из плотно прилегающих частей’, ‘плотно сплетенный’, ‘больной’ ← ‘разделенный на части’, ‘с нарушенной целостностью’, ‘размотанный’: Б) *отставать*;

6) ‘Здоровый’ – ‘гибкий’, ‘больной – затвердевший, обладающий ограниченной способностью гнуться’: Б) *остаметь*

7) ‘Здоровье’ ← ‘беспорочность’, ‘исцеление’ ← ‘прощение’, ‘болезнь’ ← ‘вина’, ‘недостаток’: Б) *недостаток*

8) ‘Здоровый’ ← ‘настоящий’, ‘больной’ ← ‘ненастоящий’: А) *настоящий*

9) ‘Здоровый’ ← ‘причастный к людям’, ‘больной’ ← ‘отделенный от других, находящийся в стороне’: Б) *отсталой*.

Особенный интерес представляют те случаи, когда один и тот же корень служит для обозначения и здоровья, и болезни (по разным моделям).

Например, **kьrċiti* → *корча* ‘крепкое дерево’ дает значение ‘здоровье’, а **kьrċiti* → *прикорчить, скорчужить* ‘согнуть’ служит для обозначения болезни.

Корень **bi-* ‘бить’ дает, с одной стороны, *сбитый, сбитень* (подмоск., урал.),

сбитный (дон.) (мотивация 'здоровый' ← 'состоящий из плотно прилегающих частей'), а с другой (о действии болезни) – *убивать, убиваться, убится* (новг.) (мотивация 'нездоровье, слабость' ← 'смерть').

В мотивационной модели 'больной' ← 'разделенный на части' целая группа производных корня **drobiti* служит для обозначения больного человека: *дроба, дробешка, одробляться, дробный* и др. Наряду с этим обнаруживается *раздробление* 'расслабление': *всьѣмъз боляцимъ ѿдовъ раздробленне ѿтвьръжаешн* (Мин. окт.). Судя по контексту, имеется в виду благотворное воздействие на человека, поэтому можно предполагать реализацию здесь модели 'Здоровье' ← 'свобода (движений)'.

Аналогичный пример обнаруживается для производных корня **lom-*: *лома, разламываться* 'сильно болеть' и под. (модель 'больной' ← 'разделенный на части') и *разламываться* 'восстановить свои силы, здоровье; поправиться' (модель 'быть здоровым' ← 'обладать способностью гнутья').

Распределение лексики поля по исходным этимологическим гнездам дало возможность выявить те модели, которые оказываются связанными не только мотивационно, но и в гнездовом отношении.

При определении круга этимологических гнезд, порождающих в русском языке (на различных хронологических уровнях) лексемы с семантикой поля, было обнаружено, что лексико-грамматические характеристики исходных для гнезд корней / основ различны (глагольные и именные). Можно отметить решительное преобладание гнезд с исходной глагольной семантикой (и среди них – с семантикой действия, в значительно меньшей части – состояния).

Лексико-грамматическое разнообразие исходных гнезд подтверждает вывод о существенности лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь» в общем лексическом фонде русского языка в качестве отражения соответствующего фрагмента картины мира этноса.

В ПЯТОЙ ГЛАВЕ («**Диахроническое распределение мотивационных моделей поля (с их лексическим содержанием)**») поле представлено в форме таблицы, распределяющей мотивационные модели соответствующим лексическим содержанием по хронологическим уровням. В соответствии с традицией исторического анализа русской лексики, мотивационные модели исследуемого поля с их лексическим выражением распределяются по следующим хронологическим уровням: древнерусский язык, старорусский язык, язык XVIII века и современный русский язык. К последнему причисляются и диалектные материалы вследствие невозможности их хронологической атрибуции.

Распределение моделей и их содержания по диахроническим уровням дает основания для диахронического анализа и, соответственно, для суждения о степени сохранности / изменчивости соответствующих моделей. Устанавливается время появления каждой мотивационной модели, выявляется круг древнейших моделей, определяется актуальность и продуктивность мотивационных моделей на разных хронологических уровнях (с древнерусского этапа до современного состояния).

Исследование показало, что в целом мотивационные типы анализируемого лексико-семантического поля обладают относительной устойчивостью (под устойчивостью понимается не только сохранение слов, но, что особенно показательно, появление новых слов в рамках определенной модели). Абсолютное большинство мотиваций актуальны и продуктивны на протяжении истории языка. Большая часть тех мотивационных моделей, время появления которых можно

установить по словарям, фиксируется уже на древнерусском этапе (29 моделей из 67, представленных исконной лексикой). Не позднее среднерусского этапа появляется 6 моделей. На уровне современного русского языка отмечено 13 новых моделей. Остальные мотивационные типы представлены только диалектной лексикой, что делает невозможным отнесение времени их появления к тому или иному историческому периоду, поскольку диалекты трудно характеризовать с точки зрения хронологии. Сравнивая мотивационные характеристики литературной и диалектной лексики, можно отметить большее количество моделей и большее разнообразие гнезд в диалектах. Важно отметить динамику в развитии моделей – одни из них скудеют, другие, наоборот, сильно разрастаются.

Возможны случаи утраты моделью актуальности на определенных хронологических этапах и возобновления ее работы в диалектах. Так, в древнерусском, среднерусском языке и языке XVIII в. представлена модель 'сильный' ← 'отважный', 'дикий', 'свирепый' / 'слабый' ← 'кроткий', 'смиранный' (ср. *грозный* 'могущественный, сильный', *бѣйство* 'сила, смелость' и *смиѣренный* 'больной', *смиѣренотѣльный* 'слабый телом', *беззащитный* 'слабый'). Данная модель не актуальна в современном русском литературном языке, но реализуется в диалектах: новг. *лютый* 'сильный, упорный', вят. *ретивый* 'здоровый', моск., тул. *задрыга* 'слабый человек'.

Особенно существенно, что исследуемый материал не обнаруживает полной утраты каких-либо моделей в истории языка.

Результаты диахронического анализа толкуются как отражение устойчивости представлений этноса о существенных для жизни человека характеристиках его здоровья и болезни.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ обобщаются результаты, полученные в ходе исследования.

1. В диссертации проведен мотивационный и генетический (этимологический и словообразовательный) анализ лексики ЛСП «Сила, здоровье / слабость, болезнь». Более трёх тысяч лексем со значением 'силы, здоровья' и 'слабости, болезни' распределены по 71 мотивационной модели (из них 69 моделей представлено исконной лексикой и 2 модели – заимствованной). Соотносительными (антонимичными), то есть представленными как в части поля 'Здоровье', так и в части поля 'Болезнь', является 54 модель; 13 представлены только в части поля 'Болезнь'; для части поля 'Здоровье' в исконной лексике выявлено две специфических мотивации. В количественном отношении лексика части поля «Слабость, болезнь» существенно преобладает над лексикой части поля «Сила, здоровье».

2. Определены типы вхождения в данное поле заимствованной лексики и мотивационные модели развития семантики поля в заимствованиях. Обнаружено преимущественное развитие семантики поля в производных от заимствований. При этом реализуются две модели, отсутствующие в исконной лексике.

3. Выявлены словообразовательные средства, формально выражающие связь частей поля 'Здоровье' и 'Болезнь'. Эта словообразовательная связь, как и отмеченное выше функционирование соотносительных (антонимичных) моделей в обеих частях поля, свидетельствует о правомерности рассмотрения данных семантических сфер как единого лексико-семантического поля.

4. Определен общий фонд праславянских этимологических гнезд (выявлено 476 гнезд, являющихся генетическими источниками лексики исследуемого поля).

Обнаружена приоритетность глагольных гнезд при их различии по объему реализации в мотивационных моделях и по количеству лексем.

5. Среди лексем, реализующих модели поля, преобладают глаголы и существительные как обозначение состояния (при значительно меньшем отражении семантики лиц). Существенна частотность обозначения болезни как субъекта действия.

6. Определена относительная устойчивость лексического представления мотивационных моделей лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь».

СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ представлен алфавитным указателем лексем и библиографией (списком источников и литературы).

Основные положения диссертации отражены в следующих работах автора:

1. Здоровье – целостность, болезнь – разрушение // Русская речь. 2010, 4. Стр. 113-118.

2. Здоровый – добрый, годный // Русская речь. 2011, 5. Стр. 107-111.

3. Здоровье / болезнь ~ веселье / печаль (к вопросу о направлениях семантических изменений) // Русский язык в научном освещении. №2 (22) 2011. Стр. 34-47.

4. О сближении значений «болезнь» и «плохая погода» в русских говорах // Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: МАКС Пресс, 2008. Стр. 176-178.

5. О специфике функционирования модели сгибания в лексико-семантическом поле «Сила, здоровье / слабость, болезнь» // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 2009. Стр. 169-170.

6. К антитезе 'больной' – 'здоровый' в русской языковой картине мира // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. Часть IV / Отв. ред. Г.В. Судаков; Вологодский государственный педагогический университет – Вологда, 2010. Стр. 52-55.